

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА*).

1849.

Я провелъ вечеръ уединенно. Хотѣлось бы мнѣ подумать и передумать о себѣ, побранить себя и испытать свою твердость; но я давно знаю мои слабости и уже нѣсколько лѣтъ ищущу руководительнаго начала въ словахъ Сириянина, ежедневно прося у Господа и Владыки живота моего духъ цѣломудрія, смиренія и любви. Весь этотъ годъ я не былъ здоровъ, но не былъ и болѣнъ.

Важныя дѣла внѣшнія немного потеряли занимательности по привычкѣ къ нимъ и по застою ихъ. За то внутреннія мелочи приобрѣли болѣе участія, и въ послѣднее время особенно четыре случая обратили на себя вниманіе.

1. Окончаніе дѣла Клевенскаго. Генераль-Аудиторіатъ рѣшилъ его (говорять) по шемакински. Не совсѣмъ такъ. Оно рѣшено не юридически, но ладно: Клевенскаго—въ арестантскія роты и потомъ въ Сибирь; съ игроковъ, Глинки, Болотнова и Либрехта, взыскать по 30 т. съ Трубачева 14 т. и со всѣхъ штрафъ по Уложенію. Остальную часть съ г.-а. Коломнаина, членовъ Управы и М-ва Внутр. Дѣлъ. Прочимъ игрокамъ сдѣланъ строгій выговоръ, членамъ комисіи (Липранди и др.) замѣчаніе. Валовой расчетъ конечно не имѣетъ законнаго основанія въ распредѣленіи, и вообще судебной истины тутъ недостаетъ; но, повторяю, рѣшено ладно, и всѣмъ сестрамъ досталось по серьгамъ. Дѣло это разыграется, если можно, и если Л. А. Перовскій захочетъ ввести его въ порядокъ. Очевидно, что хотѣли замарать М-во В. Д., и цѣль эта видна во всемъ изложеніи приговора.

2. Шалость львицъ княгинь Юсуповой, Урусовой и графини Орловой-Денисовой. Развеселившись на маскарадѣ, онѣ захотѣли поужинать

*). См. выше, стр. 183.

у Дюссо; здѣсь шумъ привлекъ полицію, и шалуны попали въ исторію. Молва увеличила шалость, и говоръ далъ такую гласность дѣлу, что, говорятъ, Орлова просила Государя о защитѣ, а Урусова..... выместила все на мужъ.

3. Строжайшій выговоръ со внесеніемъ въ списокъ сенатору А. Н. Пещурову. Здѣсь, по судебному взысканію несудебнымъ порядкомъ, сдѣлано нарушеніе, но тоже, говорятъ, не безъ основанія. Г. Пещуровъ взялся защитить зятя, ст.-сов. Окунева, безъ права и безъ должнаго повода. Но я думаю, что здѣсь паны дерутся, а у хлопцовъ губы трясутся. Вел. Князь Наслѣдникъ и Михаилъ, въ Совѣтъ, хотѣли ударить гр. Клейнмихеля, къ которому присоединился гр. Панинъ. Государь велѣлъ прекратить дѣло объ Окуневѣ, но вмѣстѣ кончилъ дѣло и о Пещуровѣ.

4. Беспорядки въ III Отдѣленіи Имп. Канцеляріи. Это не новость. Жаль только, что это случилось по Отдѣленію М. М. Попова, человѣка отлично благороднаго, и что слѣдствіе было возложено на ст. секр. кн. Голицына, человѣка очень невыразительнаго. Впрочемъ гр. Орловъ, какъ ближайшій изъ сильныхъ, не допустилъ бы до несчастій, а право пора бы г. Дубельту прекратить свои шашни.

Я очень опасаюсь за будущность молодаго человѣка Вас. Андр. Головинскаго: прекрасный, воспріимчивый мальчикъ попалъ на руки г. Карн.-Пинскаго и, пользуясь его покровительствомъ и вредною терпимостію, привыкъ къ такой свободѣ, для которой малѣйшее стѣсненіе, особенно обрядное, имѣетъ видъ гоненія или глупости. Это заставило его избрать ученое поприще. Я думаю, что, замѣтя въ юношѣ бойкую свободу, г. Карн.-Пин. отъ него оттолкнулся, и этотъ разрывъ тяжело обходится Головинскому. Онъ прилѣплялся прежде къ друзьямъ Пин. и теперь всѣми ими оттолкнутъ; онъ держалъ себя въ независимости и теперь долженъ искать опоры, которой ему не хотять дать иные изъ боязни директора, другіе изъ боязни смѣлаго юноши. И вотъ молодой человѣкъ совершенно въ ложномъ положеніи. Это его гнететъ и, я думаю, убиваетъ. Сколько могу, я стараюсь поддержать въ немъ твердость направленія, ибо искренно люблю мягкость его сердца, открытаго ко всему доброму, и живость ума, часто заносчиваго, но всегда убѣждательнаго. Изъ него вышелъ бы прекрасный чиновникъ, если бы значеніе это не было искоренено въ глазахъ его П—кимъ, открытымъ порицателемъ всякой власти. Изъ него вышелъ бы прекрасный ученый, если бы лучшее время не прошло безъ прочныхъ изученій. Теперь всѣ хотять препятствовать ему на ученомъ поприщѣ, и я думаю, дѣлають дурно. Слѣдовало бы поощрять и тѣмъ склонить

его къ постоянному труду. Не много времени нужно, чтобы убѣдиться въ словахъ моихъ. 30 Января 1849 г.

До Государя дошло, что генераль Бѣлоградскій, Турокъ, членъ Ген.-Аудиторіата, преданъ содоміи, и его отставили отъ службы, а комендантъ генераль Скобелевъ, другъ его, до того разсердился на стараго грѣшника, что нынче, 19 Февраля, оставилъ свѣтъ. Такъ умеръ этотъ замѣчательный человекъ, возвысившійся изъ простыхъ казаковъ до высокой степени извѣстности, любви Государя и общественнаго довѣрія. Онъ былъ глубоко Русскій и хорошо зналъ солдата. преданъ вѣрѣ и Государю и хорошій другъ своихъ друзей. И. С. Горголи рассказывалъ мнѣ, какъ онъ, бывъ частнымъ приставомъ, въ 1812 г. на колѣняхъ просилъ уволить его въ ополченіе (начало военнаго его поприща) при свѣтлѣйшемъ. Замѣчательный солдатскій и вообще народный писатель, онъ много льстилъ и высшимъ, но безъ подлости. Нѣкоторые изъ его приказовъ исполнены чувствъ и мыслей. Жизнь этого выходца чрезвычайно любопытна, и надобно ожидать, что по смерти его мы получимъ болѣе полныя его сочиненія. Замѣчательно, что кромѣ солдатовъ его любили и заключенные и что зависть не пощадила его, не смотря ни на лесть его высшимъ, ни на связи съ высшими по женѣ и чину, ни по простотѣ его, которая въ послѣднее время была непритворная.

Чаще нежели когда нибудь, независимо отъ холеры, случаются нынѣ рѣзкія болѣзни и незапныя смерти. Причину должно искать въ нравственномъ расположеніи вѣка, въ высочайшей степени стремительнаго и честолюбиваго. Можетъ быть, страсти эти расширяють до крайности извѣстные органы, и нить жизни лопается съ нарушеніемъ естественнаго состоянія постояннымъ напряженіемъ. Особенно способствуетъ незапности скрытность этихъ стремленій, по невозможности проявиться или по препятствіямъ соревнованія. Расширеніе сердца и жилъ и боль спинной кости у насъ на дневной очереди.

Какъ еще далеко все отъ устройства! Вмѣшательства въ Трансильваніи и въ Италіи показываютъ большой успѣхъ правительственныхъ властей, такъ упавшихъ въ 1848 году. Мы не далеки отъ того, что сила закроетъ и Франкфуртскій сеймъ—гнѣздо противодѣйствующаго начала, и войдетъ въ порядокъ прежней законности. Это желательно, ибо иначе могутъ быть продолжительныя и обширныя бѣдствія. Но трудно представить, чтобы возвратившаяся сила удержалась на золотой серединѣ. Гласно, а еще хуже негласно, она будетъ стремиться къ возстановленію прежнихъ правъ и вызоветъ новое противодѣйствіе. Хорошо, если бы всѣ министерства дѣйствовали, какъ Мантейфель, сильно, но благоразумно, съ отчетливостію и терпимостію. Другіе—

нѣтъ. Шварценбергъ пошелъ далѣе, а Одиньоль-Барро еще далѣе, а другіе—еще, еще далѣе. Изъ всѣхъ дѣятелей благороднѣе думаетъ, пишетъ и дѣйствуетъ король Прусскій. Исторія отдастъ справедливость этому уму, къ сожалѣнію немного затемненному ученіями аргіогі, такъ много повредившими государственному дѣлу.

Въ Училищѣ Правовѣдѣнія шалуны Бѣлиновичъ и кн. Гагаринъ попались, и изъ ребяческой шутки сдѣлали важное событіе. Ученики этого заведенія, по излишеству поощреній, чрезвычайно заносчивы, вольнодумны и своенравны. Это ихъ главный недостатокъ, а не республиканизмъ, который, даже въ ихъ глазахъ, не имѣетъ смысла. И въ этомъ виновны не школьники, а начальство и—главное: излишество поощреній. Можетъ быть, теперешняя маленькая исторія, умаля эти поощренія, будетъ не безъ пользы для этого весьма полезнаго заведенія, отъ котораго до сихъ поръ кромѣ вреда еще ничего не видно. Надобно ожидать противодѣйствія и при томъ—военнаго. Весьма можетъ статья, что вмѣсто слабаго кн. Голицына вступитъ какой-нибудь генералъ и такъ далѣе, но хорошаго отъ этого ничего не будетъ: эти генералы или раздражаютъ юношество, которое открыто начинаетъ не повиноваться, или унижаютъ заведеніе, которое удерживаетъ одно имя. И то и другое, независимо отъ вреда цѣлому поколѣнію и семействамъ, чрезвычайно вредно въ государственномъ отношеніи.

Государь, домъ, дворъ и часть гвардіи ѣдутъ въ Москву. Тамъ готовятся торжества, праздники народные и милости. Эта демонстрація конечно не безъ цѣли. Она Государю не нужна и только этою цѣлію объяснима. Чтѣ за цѣль?

Нынче много толкуютъ о молодомъ человѣкѣ Юріѣ Самаринѣ. Начавъ службу у насъ, этотъ баричъ и баловень Московскій, съ замѣчательными способностями и познаніями, перешелъ въ М. В. Д. по содѣйствію зятя Віельгорскихъ Веневитинова и былъ командированъ въ Балтійскія области. Здѣсь онъ, Ханыковъ, Валувевъ, Гагаринъ, Барановскій окружили бѣднаго Головина и запутались при назначеніи князя Суворова. Юрій Самаринъ, какъ министерскій чиновникъ, охуждалъ дѣйствія новаго начальника и въ это время написалъ нѣсколько писемъ о краѣ, которыя ходили по знакомымъ и въ отличномъ переплетѣ представлены Веневитиновымъ Л. А. Перовскому. Въ письмахъ этихъ, при открытомъ нерасположеніи къ Нѣмцамъ нашимъ, Самаринъ, между прочимъ весьма многимъ, говоритъ, что эти области, какъ Мадьяры въ Австріи, лежатъ къ Государю, дрожа за свои исключительныя права, но не лежатъ къ Россіи, и ей на нихъ надѣяться нельзя, и что, пользуясь дворянствомъ у насъ вездѣ, они не даютъ намъ своего дворянства, ни права на земельную собственность въ

своихъ краяхъ, такъ что, по строгости говоря, не они присоединились къ намъ, а, какъ господа, насъ присоединили къ себѣ, и проч. О письмахъ этихъ зналъ Государь и конечно знали Петербургскіе Нѣмцы. При одной встрѣчѣ съ кн. Суворовымъ Государь спросилъ, знаетъ ли онъ ихъ. Суворовъ отвѣчалъ, что нѣтъ, потому что м.-вн. дѣлъ ему не рѣшился сообщить ихъ. „Такъ онъ сообщить ихъ мнѣ“, и письма были вытребованы. 6 Марта фельдъегерь взялъ Самарина и отвезъ, говоря, въ крѣпость. Случай этотъ получилъ болѣе важное значеніе, нежели онъ стоитъ. Молодого человѣка слѣдовало пожурить и тѣмъ кончить. Нынѣ не время нападать на народы, не время впрочемъ и давать видъ гоненія за вольность мысли. Жаль, что дѣло поворотилось круто, и бойкому молодому преобразователю дали личину жертвы; но еще болѣе жаль, если этотъ случай не оставитъ никакого слѣда въ томъ, отъ котораго зависитъ многое для уравниенія насъ, Русскихъ, съ гг. Нѣмцами, пользующимися господствующимъ правомъ въ отношеніи господствующаго племени. Нѣмцы не составляютъ и ¹/₇ части края, гдѣ они хотятъ ввести и удержать и языкъ, и вѣру, и выжимательную Нѣмецкую расчетливость.

Потомъ Юрій Самаринъ освобожденъ и съ большими почестями, такъ что вольномысліе иногда и не бесполезно!!

Догадливые люди такъ выражаютъ полушуткою мнѣніе свое о гр. Панинѣ: онъ высокъ да не хорошъ, ученъ да не уменъ, богатъ да не торовать, упрямъ да не стдекъ. Онъ взялъ три правила: Англійское, Прусское и Австрійское и перемѣшалъ ихъ. Изъ Англій онъ взялъ ничего не измѣнять; здѣсь его безпрестанно сбиваетъ неусидчивый Блудовъ. Изъ Пруссіи—унижать сословіе чиновниковъ: здѣсь онъ постоянно обманывается своими со-министрами и, уронивъ достоинство правительственныхъ представителей, заслужилъ проклятіе всѣхъ крупныхъ и мелкихъ чиновниковъ. Изъ Австріи онъ взялъ три правила: а) онъ сказалъ о судахъ—будутъ меньше писать, будутъ больше разсуждать, и топить правосудіе въ письмѣ и перепискѣ, въ возвращеніи и пересылкѣ дѣлъ; б) поощрять преимущественно людей посредственныхъ и особенно скромныхъ, чтобы они не терли глазъ и довольствовались тѣмъ что есть, и наконецъ в) установить дворянство, предоставивъ ему высшее значеніе правительственное и ограничивъ сколь возможно поступленіе новыхъ дворянъ чрезъ чины и старыхъ чрезъ герольдію. Въ послѣднемъ случаѣ онъ держался того, что лучше обидить, нежели переполнить, и что у кого будетъ, есть, у того и преизбудеть: богатому полная чаша, бѣдному остатки. Шутка эта не безъ смысла; но графъ Панинъ очень ошибается, если думаетъ, что правила эти не суть своемысліе, которое никогда не можетъ быть основаніемъ общества.

Полученное свѣдѣніе о разбитіи генер. Бемомъ отряда Скарятина въ Германштадтѣ произвело непріятное впечатлѣніе. Мы пришли въ Трансильванію незваные и потерпѣли этотъ срамъ, не достигнувъ цѣли вступленія и будучи выданы Австрійцами, будто не знавшими о движеніяхъ непріятели. Я желаю, чтобы это не раздражило и не повело къ отмщенію вступленіемъ цѣлой дивизіи. Вмѣшательство это. можетъ быть, дастъ возможность облегчить Австрію для дѣйствій внутри и въ Италіи, но оно можетъ открыть рядъ войнъ и пробудить снова крики, которые надобно усыплять, а не пробуждать. Какъ Славянское государство, Австрія не можетъ быть нашей союзницей: она всегда останется непріятная сосѣдка.

Почти современно пришли знаменитыя новости. Разбитый Карлъ Альбертъ отказался отъ престола въ пользу сына: не поздно-ли? Франкфуртскій сеймъ избралъ Пруссакаго короля въ императоры—не поздно-ли? Русскія войска оставили Трансильванію—ужь не поздно-ли? А Австрійскій корпусъ, сдавленный Бемомъ, принять нами въ Валахіи. Да какой же смыслъ во всемъ этомъ? И не пора ли созвать общій Европейскій сеймъ для пересмотра Вѣнскихъ договоровъ, или уже поздно? Неужели есть и какой смыслъ всего этого броженія? Благородно ли попускать его? Вѣрно то, что броженіе кончается новымъ пивомъ, и старый порядокъ безповоротно долженъ быть оставленъ.

Продѣлка Юрія Самарина повторилась съ Славянофиломъ Аксаковымъ, молодымъ человѣкомъ весьма даровитымъ, изъ Училища Правовѣдѣнія. Этому дѣлу дали менѣ значенія, и смѣлый мыслитель просидѣлъ дней пять въ III Отдѣленіи, на допросѣ у М. М. Попова. Отвѣты (по поводу статьи его 700-лѣтіе Москвы, нѣкоторыхъ сочиненій и перехваченныхъ писемъ) были представлены Государю, который „не усумнясь въ чистомъ намѣреніи“ г-на Аксакова, нашелъ нѣкоторыя выраженія его слишкомъ дерзкими и поручилъ графу А. Ѳ. Орлову пожурить, успокоить и отпустить молодого писателя.

*

Сего дня, 31 Марта, я видѣлъ обрядъ омовенія ногъ въ Казанскомъ соборѣ. Когда и кѣмъ введенъ въ наше служеніе этотъ обрядъ, я не знаю; но вѣроятно онъ въ тѣсной связи съ народными таинствами (*mystères*), которыми поучали богобоязливое общество. Въ наше время значеніе подобныхъ обрядовъ удалилось отъ своей пользы и едва-едва составляетъ предметъ любопытства. Многіе смѣялись надъ почтенными апостолами. Почтенный старикъ потрудился довольно. Въ церкви было не тѣсно, время дурно; обрядъ исполнялся вяло и безъ торжественности.

Князь Чернышевъ, старѣйшій, какъ предсѣдатель Совѣта, вѣроятно будетъ представлять намѣстника. По крайней мѣрѣ повѣстки зовутъ на Пасху ко двору. Что это значило бы? Чтобы не отвыкали отъ принятаго порядка.

Прусскій король „поморщится немножко, какъ пьяница предъ чаркою вина“ и, соблюдя видимый обрядъ соглашенія, приметъ, приметъ, обойдя собраніе, на которое смотрѣть нельзя безъ сожалѣнія: такъ обманулось оно въ могуществѣ нравственного своего вліянія.

Но эта имперія будетъ мнимая. Она подкоситъ мѣстныя власти, будетъ служить опорой ихъ оппозиціямъ и, приуча къ постоянному безвластію, приготовитъ республику. Франкфуртское собраніе есть выраженіе новаго порядка и, съ распущеніемъ его, ученія разольются по школамъ и дневнымъ листамъ, разольются такъ, что непримѣтное въ началѣ противодѣйствіе или раздробитъ ихъ совокупность и раздробя въ мелкія мѣстности, приготовитъ сѣть, въ которой власть будетъ безсильна.

Вмѣшательства мы не хотимъ и вмѣшиваемся: Скарятинъ и Энгельгардтъ заняли Германштадтъ и Кронштадтъ. Застигнутые врасплохъ и побитые, мы оставляемъ Трансильванію и возвращаемся съ цѣлымъ корпусомъ, разбиваемъ Бема и все таки вмѣшательства не хотимъ. Хотя это и полумѣра (говорять, по личному настоянію Государя, принятому исполнителями, кн. Чернышовымъ и гр. Нессельроде), но вмѣшательство открытое, и странно думать, что Франція оставитъ это *sans conséquence*. Итакъ мы заняты здѣсь. Теперь мы обязались помогать Даніи, мы обязаны сдерживать Польшу. Достанетъ-ли насъ? Согласно-ли все это съ нашими объявленіями о невмѣшательствѣ и не поведетъ-ли это къ новому ряду событій? Почему въ нашихъ объявленіяхъ нѣтъ прямоты, истиннаго достоинства, а въ нашихъ мѣрахъ полноты праваго дѣла? Смытъ срамъ неопытнаго полковника еще не даетъ права занять чужую землю; здѣсь должна быть другая причина. Время довольно опасное. Вмѣшательство Франціи—и все въ пламени. Стало быть, порча общества глубоко пустила корни, если другой годъ взволнованное море не можетъ найти береговъ. Нерѣшительность продолжается, неустройство и продолженіе его, гибельное само по себѣ, сдѣлается еще гибельнѣе отъ поздняго противодѣйствія.

Царскій домъ весь въ Москвѣ. Самыя баснословныя розказни ходятъ по городу о встрѣчѣ, о привѣтствіяхъ, о милостяхъ. Говорятъ, что въ чаду благоволенія пожалованы богатые назначенія барону Боде, графство Перовскому, графство даже будто бы Вронченкѣ. Удивительно, по обидчивости или по зараженію, какъ недовѣрчиво смотрятъ на всѣ дѣйствія Государя. Графъ Панинъ говоритъ справедливо: всякая демон-

страція, если она не по нуждѣ, есть или испытаніе или тщеславіе и потому вредна, ибо ослабляетъ довѣріе. Введены слова: графиня съ Невскаго, Мѣщанская улица—графская. Меншиковъ сказалъ: Государь смѣется и хочетъ, чтобы вся Россія хохотала. Графъ Вронченко одинъ, но много у него графинь (Гречъ). Въ самомъ дѣлѣ, если поѣздка въ Москву не соединена ни съ какимъ дѣломъ сближенія власти съ народомъ, она бесполезна и уже всемі оуждается. Неужели Государь думаетъ о необходимости пробудить и утвердить этимъ народную привязанность, въ которой сомнѣваться не было никакого повода? Желательно, по крайней мѣрѣ, чтобы послѣ этой поѣздки въ учрежденіяхъ нашихъ было побольше Русскаго, противузападнаго, и чтобы хотя Московскіе толки подвигли Государя къ улучшеніямъ болѣе прочнымъ и менѣе мнимымъ.

Никогда выраженіе „уже поздно“ не было такъ прилично какъ въ наше бѣдное время. Выраженію этому, громко сказанному въ 1830 г., суждено много повториться и долго повторяться. Разумѣется, по злоупотребленію науки, вина слагается на ученыхъ и преимущественно на университеты, въ Германіи и за тѣмъ у насъ. Строгіе судіи, какъ Д. П. Бутурлинъ, открыто называютъ ихъ гнѣздами вольномыслія. Толки эти вызвали двѣ мѣры, частную статейку въ 3 № „Современника“ и измѣненіе положенія гимназій. Статья писана, по приказанію министра просвѣщенія, говорятъ, И. И. Давыдовымъ. Она служебная (это не подлежитъ сомнѣнію), написана довольно смѣло для Русскаго читателя, но недостаточно для важности предмета. Говорятъ, что есть опроверженіе представленнаго генераломъ Я. И. Ростовцевымъ предположенія о закрытіи университетовъ. Въ ней много общихъ мѣстъ и очень неприличный выводъ о духовномъ званіи, всегда мирномъ, и выводъ неправильный о дворянствѣ, единственномъ сословіи, отъ котораго можно ожидать противодѣйствія. Статья надѣлала много шума, перепечатана въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и поэтому уже болѣе вредна, нежели полезна. Преобразование гимназій съ раздѣленіемъ курсовъ университетскихъ (Латинскій и Греческій языки) и служебныхъ (законовѣдніе) и съ предоставленіемъ права на XIV классъ, но съ исключеніемъ лицъ податнаго состоянія до исключенія изъ онаго, очевидно имѣетъ цѣлю отвлечь притокъ молодыхъ людей къ университетамъ. Мѣра въ этомъ отношеніи полезная, но едва-ли могущая остановить притокъ: сословія многочисленны, требованія возбуждены сильно, и политическое поощреніе (очевидно несправедливое) остается въ своей силѣ.

Тогда какъ я читалъ книжку Гизо *Démocratie en France*, мнѣ пришла сказать что бойкій мальчикъ Головинскій за участіе въ какомъ-то

сборникъ какого-то г. Петрашевскаго взять вмѣстѣ съ другими 60 человекъ въ III Отдѣленіе. Признаюсь, я не ожидалъ такого явленія молодыхъ нашихъ вольнодумцевъ. Сборища, и постоянныя, уже это слишкомъ далеко. Хорошо сдѣлаютъ, если обратятъ вниманіе на это явленіе. Оно обнаружилось скоро послѣ Самарина и Аксакова и едва ли не нарочно для того, чтобы имѣть счастье попасться въ руки допрошниковъ. Все это неразумно и дурно. Жаль мальчика, но впередъ наука, и дай Богъ (въ чемъ однако сомнѣваюсь) на пользу.

Городъ очень занятъ задержаніемъ молодыхъ людей (Петрашевскій, Головинскій, Достоевскій, Пальмъ, Ламанскій, Григорьевъ, Михайловъ и много другихъ), которыхъ, говорятъ, до 60 человекъ и число которыхъ должно увеличиться открытіемъ связи съ Москвою и другими городами. Дѣло это точно важно, не по себѣ, но потому что оно могло случиться. Кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что здѣсь было вліяніе пропаганды и конечно не безъ Поляковъ, этихъ новыхъ жидоватыхъ Іезуитовъ. Сколько извѣстно (а извѣстно очень мало), у молодого человека, бывшаго лицеиста Петрашевскаго собирались любители разсужденій и ораторы, говорившіе то о крестьянскомъ вопросѣ, то о преобразованіяхъ въ разныхъ вѣдомствахъ, то о смутахъ Западныхъ по отношенію къ намъ. Говоруны записывались предварительно и такимъ образомъ представляли нѣчто въ родѣ клуба. Говорятъ, назначена слѣдственная коммисія, подъ предсѣдательствомъ Н. А. Набокова, изъ кн. В. А. Долгорукова, Л. В. Дубельта, И. П. Липранди, кн. П. П. Гагарина, А. Э. Голицина (разбираетъ бумаги). Чтѣ-то пестро. Говорятъ, Государь хочетъ дать дѣлу ходъ строго по законамъ—судъ. Это что-то невѣроятно. Подобное дѣло обнаружить три вещи: неосновательность и заносчивость молодежи, получившей плохое воспитаніе отъ иностранныхъ ученій; бездѣйствіе правительства, терпящаго большіе недостатки и вызванное этимъ бездѣйствіемъ желаніе пылкихъ молодцовъ принять участіе въ общемъ дѣлѣ, какъ это обыкновенно бываетъ при неудовлетворительности правительственнаго дѣйствія. Но все это извѣстно и переизвѣстно. Важнѣе дѣла на Западѣ. Нашъ манифестъ 26 Апрѣля, Удинѣ въ Римѣ, подтопленіе Франкфуртскаго сейма, отказъ Нидерландовъ (въ войнѣ съ Даніей), затрудненія въ перемиріи съ Сардиніей, вымогательство Виртемберга, рѣшительный выступъ Пруссіи, закрытіе всѣхъ палатъ и рѣшительное противоборство народовъ и правительствъ. Печать и слова дѣлаются открытыми силами. Бунтовщицкій сборъ въ Венгріи окруженъ со всѣхъ сторонъ, и борьба противодѣйствій въ полномъ развалѣ.

Государь ѣдетъ въ Ковно и Варшаву; не выпадетъ-ли на его жребій остановить потокъ и сжать разлитіе безначалій, чтобы новый

порядокъ (который непремѣнно долженъ быть) начался стройно, безъ пожертвованій и безъ вынужденныхъ хитросплетеній. А между тѣмъ я побаиваюсь. Не хочу грѣха таить, я во многомъ охуждаю существующій порядокъ. Иногда мнѣ чудятся голубые люди, и я прячу мои листки.

Вчера, 2 Мая, Государь уѣхалъ на Западъ съ канцлеромъ Нессельроде. Много надеждъ соединено съ этой поѣздкой. Надежды превеличенныя. Вотъ какъ я предполагаю разрѣшеніе дѣла: революціонныя волненія, смятыя вездѣ и теперь стекшіяся въ Венгріи, будутъ подавлены, Венгерцы не устоятъ; но подавленные, волненія эти сожмутся, распространятся въ тиши и образуются въ болѣе стройное противодѣйствіе, обезоруженіе котораго потребуетъ новыхъ уступокъ. Австрія отчуждится отъ Германіи, и Славянскій ея составъ получить болѣе твердости, ослабя Германскій и открыто возставъ противъ насъ за своихъ соплеменниковъ Поляковъ. Если государи думаютъ рѣшить дѣло на общемъ сеймѣ, то должны выждать и приступить къ этой мѣрѣ, когда утомленные неустройствами народы убѣдятся, что необходима власть и что, при этой необходимости, вопросъ объ источникѣ власти можетъ быть второстепенный.

А быстры успѣхи паденія, не смотря на сильное противодѣйствіе. Толпа ломитъ и гнетъ. Взятіе Палермо и Рима, а тамъ взятіе Песта, бунтъ въ Штутгартѣ, Дрезденѣ, Фальцѣ.

Носятся слухи, что наши войска встрѣтились съ Венгерцами и увлеченныя ихъ хитростію, попались и потеряли много людей. Удивительно, какъ мало сочувствія въ обществѣ этой войнѣ. Нужда заставляетъ роптать на издержки, не-любовь къ Австріи ослабляетъ удовольствіе помощи и успѣха, а боязнь Западной заразы находить вмѣшательство рѣшительно вреднымъ. Слухи о заговорѣ дерзкой молодежи все увеличиваются и придаютъ дѣлу важность, которой оно, кажется, не имѣетъ. Говорятъ, что оскверненіе церковныхъ обрядовъ и посягательство на царское семейство постановлены опредѣлительно и что мальчики разобрали себѣ самыя роли правителей и предсѣдателей. Безуміе и ребячество!

Наслѣдникъ идетъ въ походъ (жаль, говоритъ старикъ Пещуровъ, государствомъ ничего не занимается). Государь уже въ Варшавѣ и, по разсказамъ Сологуба, вмѣстѣ съ Австрійскимъ императоромъ. Я ни того, ни другого понять не могу. За чѣмъ идти Наслѣднику и съ кѣмъ оставить высшее управленіе? Не надобно забывать, что броженія мыслей у насъ нѣтъ и что всѣ мѣры строгости, въ особенности въ отсутствіе Государя принимаемыя, и вялы и какъ-то не вполне законны и произвольны и потому рождаютъ ропотъ. Если бы война была народная, участіе Цесаревича было бы лучше, а то война

такова, что народъ и понять ее не можетъ или понявъ увидить, что война противъ соплеменныхъ Славянъ. Второе—присутствія Франца-Иосифа я не ожидаю. Уже просьба о помощи, которая могла бы быть поскромнѣе, взбунтовала всѣхъ Нѣмцевъ и вызвала даже объясненіе Елачича, а личное свиданіе, вовсе не необходимое, просто потеряетъ молодого человѣка въ мнѣніи значительнаго числа вѣровавшихъ въ его призваніе и твердое намѣреніе ввести вольное и отвѣтственное правленіе. Графъ Сологубъ говорилъ о удовольствіи Государя, который будто бы нашелъ въ молодомъ сосѣдѣ человѣка умнаго и рѣшительнаго. Я думаю объ этихъ вѣстяхъ, что шаръ катится и накатывается. Нѣтъ, точно: Францъ Иосифъ былъ въ Варшавѣ четыре дня, и Государь писалъ объ немъ, что онъ „молодъ, но ловокъ“. Наслѣднику приказано не ѣздить, а оставаться здѣсь. А между тѣмъ въ Германіи безначаліе доходитъ до крайности, и назначеніе Детмольда во Франкфуртъ сближаетъ къ открытому возстанію сосредоточеннаго сейма.

Послѣ четырехлѣтней разлуки свидѣлся я съ прежнимъ сослуживцемъ моимъ, С. П. Полуденскимъ. Кромѣ пріятности свиданіе это было для меня любопытно и по свѣдѣніямъ молодого человѣка, проведеннаго за границею около трехъ лѣтъ. По словамъ его все дышетъ тамъ низверженіемъ существующаго порядка, ненавистію къ Россіи и открытымъ подозрѣніемъ всякой власти въ ухищреніяхъ и своекорыстіи. Невозможно представить себѣ монархіи во Франціи и какого-нибудь соглашенія съ нею въ Германіи. Слуги и кучера прямо и гласно порицаютъ королей и грозятъ низложеніемъ. Молодой человѣкъ знаетъ дѣла конечно по вѣдомостямъ и вообще увеличиваетъ, но раздраженіе и подозрительность толпы должны быть въ высшей степени, это понятно. И я не понимаю, почему мы вмѣшались не прежде, до полнаго разлитія или не послѣ, давъ перегорѣть этому раздраженію. Вмѣшательство наше (я опасуюсь) можетъ остановить напоръ и тѣмъ приготовить взрывъ, подобный Февральскому во Франціи или прямо поворотить его къ такому времени, какое въ V-мъ вѣкѣ было въ государствахъ Эллинскихъ. Замѣчательно мнѣніе, что личность и собственность во Франціи, въ Парижѣ, ограждены болѣе нежели въ другихъ странахъ. Нынче же Н. А. Оленинъ рассказывалъ, что князь Гр. Волконскій совершенно ограбленъ въ Римѣ.

Высочки, какъ г.г. Брокъ, Бутковъ, еще иногда удачны; но не могла-ли эти удача быть вмѣстѣ съ справедливостію безъ обиды другимъ? Государь никого не знаетъ и назначаетъ кого представлять. Представители, ища огражденій, находятъ ихъ въ смѣнахъ и перемѣнахъ, въ раздѣленіяхъ и спорахъ. Не зная, Государь иногда назначаетъ такихъ гусей, особенно въ сенаторы, что уже и журавли заговорили. А. Н.

Мордвиновъ и гр. Ив. Петр. Толстой разсуждали о сенаторѣ Чебышевѣ: это такой глупецъ, какихъ первый въ жизнь свою не видывалъ, а второй и представить себѣ не могъ. Въ это время назначенъ сенаторомъ ген.-лейт. Батуриинъ. Сенаторъ Чебышевъ отозвался объ немъ, что у Батурина одинъ важный недостатокъ: очень глупъ и необразованъ. Я не знаю, гдѣ остановится это нисхождение и какого достоинства можно ожидать правительству отъ такихъ представителей власти.

Говорятъ, Государь, не ограничиваясь распространеніемъ гимназическихъ правъ, къ сокращенію прилива въ университеты, приказалъ ограничить число студентовъ 300. Трудно понять, кто даетъ ему эти совѣты, которые кромѣ того, что способны возбудить толки, порицанія и самый ропотъ, вовсе не принесутъ никакой пользы въ предполагаемыхъ видахъ. Государь уничтожилъ частное воспитаніе, предполагая дать соотвѣтственное видамъ своимъ направленіе воспитанію общественному, а теперь преграждаетъ и общественное: подмывъ семейный бытъ, общественное воспитаніе и государству не дало хорошихъ сыновей. Такъ-ли-сякъ-ли наука протрется: сократите университеты, она дастъ значеніе ихъ гимназіямъ; убавьте гимназіи, она перейдетъ въ частныя заведенія. Разъ введенная, она уже не выдетъ. Грустно то, что все сокращаютъ, все ограничиваютъ, тогда какъ слѣдовало бы идти другимъ путемъ и не затруднять себя преждевременными поощреніями.

Какъ ни громки слухи о царскихъ Московскихъ милостяхъ, но не подлежитъ сомнѣнію то, что Государь очень недоволенъ Московскимъ духомъ. Замѣчательно, что немедленно по пріѣздѣ изъ Москкы отданъ приказъ о бородахъ, „носимыхъ въ подражаніе иностраннымъ затѣямъ“, что въ Москвѣ графиня Растопчина была выгнана изъ дворца за стихи про Закревскаго:

Ты не молодъ, не глупъ, и ты не безъ души.
 За чѣмъ же въ городѣ и толки и волненье,
 За чѣмъ же роль играть Россійскаго пашн
 И объявлять Москву въ осадномъ положенн?
 Ты нами править могъ легко на старый ладъ,
 Не тратя времени въ бессмысленной работѣ:
 Мы люди старые, не строимъ баррикадъ,
 И всеподданнѣйше гниемъ въ своемъ болотѣ.
 Что жъ въ насъ нехорошо, къ чему весь этотъ шумъ
 Все это странное употребленье силы?
 Безъ гвалту могъ бы здѣсь твой дѣятельный умъ
 Бумаги не шадить и проливать чернилы.
 Какой же учреждать ты думаешь законъ.
 Какіе новые установить порядки?

Ужь не мечтаеш ли, гордыней ослѣпленъ,
 Воровъ перевести, иль посягнуть на взятки?
 За это не берись, остынетъ грозный пылъ
 И сокрушится власть подобно крупной стали:
 Вѣдь это мозгъ костей, кровь нашихъ Русскихъ жилъ.
 Вѣдь это на груди мы матери сосали.
 Но лишь за то скажу спасибо я теперь,
 Что кучеръ Беринга не мчится своевольно
 И не реветъ уже, какъ нѣкій лютой звѣрь,
 По тихимъ улицамъ Москвы первопрестольной,
 Что Берингъ самъ не зналъ величія предѣль,
 Забутанный въ шинель ужъ онъ съ отвагой дикой
 На дрожжахъ не сидитъ, какъ нѣкогда сидѣлъ
 Несомый бурей на лодкѣ Петръ Великій.

Былъ Берингъ, когда-то правитель канцеляріи Московскаго оберъ-полиційместера. Я помню его сына и помню, какъ онъ раздавалъ записки къ балаганщикамъ, показывавшимъ звѣрей и восковыя лица. Злая графиня выбрала довольно вѣрное имя. Это человекъ ловкій и способный и при томъ братъ Меропы, еще болѣе умной и ловкой. Этотъ Берингъ полицмейстеръ.

Это тамъ, въ Москвѣ, остановилась мысль на преобразованіи университетовъ и рѣшена отставка (впрочемъ строгаго) попечителя Голохвостова.

Эти бороды, эти стихи и эти преобразованія приводятъ къ грустнымъ думамъ. Нападки на бороды вызовутъ стихи еще болѣе желчныя, а преобразованія приведутъ къ неудобствамъ важнѣйшимъ. А всего хуже то, что подобныя мѣры болѣе и болѣе пробуждаютъ подозрительность, съ которой несовмѣстна довѣренность, безъ которой нѣтъ единодушія правительства и общества.

Все еще облачно и грозно на Европейскомъ кругозорѣ. Одна искра, и общая война вспыхнетъ съ разсерженнымъ ожесточеніемъ: одна побѣда, и снова общественныя основанія поколеблятся до рѣшительныхъ измѣненій порядка настоящаго. Больно сказать, а между тѣмъ грозное ученіе о собственности, о всеобщности участія, о бракѣ, о духовенствѣ, о работѣ такъ и ломится осуществить свои требованія. Война съ бунтующими началась. Вмѣшательство наше, манифестъ Государя, рескриптъ Франца Юсифа князю Паскевичу отгласились въ иностранныхъ листахъ самымъ неблагопріятнымъ образомъ, и мы, противъ желанія, даемъ новый поводъ къ возгласамъ противъ насъ.

Какая однако участь выпала Государю съ самыхъ первыхъ дней царствованія! Несмотря на видимое могущество, блескъ и обиліе, какъ много послано ему испытаній! Да не охладится сердце его въ борьбѣ съ ними. Бѣда! Государю Русскому, прежде ума, нужно сердце.

*

Сегодня былъ у меня одинъ старикъ, доведенный до совершенной крайности переводами по службѣ. Никита Васильевъ. Гордѣнко. Онъ началъ службу, кажется, въ 1800 годахъ и изъ секретарей скоро достигъ совѣтника г. правленія. Здѣсь онъ оставался около 20 лѣтъ и, перейдя къ судебное вѣдомство (уже отецъ большаго семейства), началъ искать счастья. Его назначили въ 1842 г. къ исправленію должности въ Воронежѣ. Здѣсь оказалась какая-то ошибка въ послужномъ спискѣ, и его удалили отъ мѣста. „Переѣздъ въ Воронежъ съ семействомъ разорилъ меня“; изъ Воронежа въ Петербургъ онъ пріѣхалъ на деньги, вырученныя за вещи. Здѣсь ему жить было нечѣмъ и когда я зашелъ къ нимъ, мать бросилась цѣловать меня въ плечо, дѣти плакали. Положеніе крайне затруднительное, старикъ неоднократно съ рѣшительностію говорилъ: напишу письмо и брошусь въ Неву, пусть семейство осиротѣетъ и найдетъ кровь призьвнія. Наконецъ ходатайствами и докучливостію удалось ему выпросить мѣсто товарища предсѣдателя въ Ковно. Какъ онъ переѣхалъ, не знаю, но былъ доволенъ, потому что ему обѣщали немедленно повышеніе. Онъ былъ въ Ковнѣ годъ, предсѣдательствовалъ, ибо предсѣдателя не было, и я долженъ сказать, палата была исправная, всѣ рѣшенія вообще удовлетворительны. Назначенъ новый предсѣдатель, и бывший прокуроромъ Гордѣнко не захотѣлъ оставаться товарищемъ и пріѣхалъ въ Петербургъ ходатайствовать. Министръ назначилъ его товарищемъ предсѣдателя въ Ярославлѣ; старикъ совершенно упалъ духомъ, заболѣлъ и рѣшительно не хотѣлъ ѣхать никуда, ни въ Ковно, гдѣ было семейство, ни къ новому мѣсту. Наконецъ министръ назначилъ ему вспомошествованіе 270 р., и онъ, отправляясь за семействомъ, приходилъ ко мнѣ прощаться.

Сегодня встрѣтился я въ пассажѣ съ И. П. Липранди, и онъ, довольно свободно, завелъ рѣчь о нашихъ дѣтяхъ-заговорщикахъ въ крѣпости. Онъ началъ это дѣло, и ему оно извѣстно какъ члену комисіи. Дѣло, по его мнѣнію, чрезвычайно важно и должно кончиться казнями. Это ужасно. Я не ожидалъ въ немъ ничего зрѣлаго и положительнаго. Завтра я обѣдаю у Липранди, и онъ обѣщаль мнѣ дать подробную записку. Посмотримъ. Никто такъ не преувеличиваетъ цѣну ничтожнаго открытія, какъ самъ открыватель. Горе, горе, если это увеличеніе представится Государю не въ хорошей часъ: но горе отъ Бога и тѣмъ, которые рассчитываютъ на это. Зная двухъ, Николенку Кашкина и Васеньку Головинскаго, я (повторяю) не могу вообразить ничего зрѣлаго и приписываю все шаткому увлеченію.

Былъ я и видѣлъ обвиненія, читалъ списки и копіи съ захваченныхъ бумагъ и все таки не нахожу той важности, которую хотятъ

придать этому дѣлу. Прикосновенныхъ очень много: болѣе всего Петрашевскій и Спѣшневъ. Первый учредилъ общество, изъ котораго многіе посѣтители жили въ его домѣ, за Покровомъ въ Коломнѣ; второй написалъ собственноручно обязательство вступленія о повинновеніи исполнительному комитету по призыву его дѣйствовать огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ, распространять число членовъ и т. п. Потомъ слѣдуютъ: Катеневъ, Ястрежембскій, Толь, Тютчевъ, Толстой, 2 Кузминскіе, Григорьевъ лейбъ-гренадеръ, Григорьевъ мѣщанинъ, Моберле. Ханыновъ, Львовъ, Достоевскій, Плещеевъ, Бернадскій, Пальмъ, Филатовъ (учитель Рождественскаго училища), Дестунисъ, Плещеевъ. Андреевъ, Коломинъ, Кашкинъ, Головинскій, Барановскій, Михайловъ, Толбинъ (бродяга). При дворянскихъ выборахъ въ 1845 г. Петрашевскій сдѣлалъ предложеніе (и литографировалъ) о дозволеніи вѣсьмъ сословіямъ приобрѣтать населенныя имѣнія и этимъ путемъ отмѣнять исключительность права и самое право. Предложеніе это обратило общее вниманіе, возбудило удивленіе, порицаніе и негодованіе. Съ того времени Липранди сталъ наблюдать и открылъ, что у Петрашевскаго собирается сходка. Два подсылныхъ втерлись въ этотъ кругъ и напали на слѣдъ, какъ сказано, постояннаго заговора. Въ концѣ Марта предлагалъ Липранди захватить сходку на самомъ мѣстѣ. Исполнено это въ концѣ Апрѣля. Но я во всѣхъ бумагахъ видѣлъ глупость, школьничество, мелкія остроты. Я пораженъ былъ замѣчаніями, какъ напр. „правовѣды вообще замѣченные и прежде въ антадминистративномъ направленіи“, или „стремиться возбудить неудовольствіе къ правительству“ или „распространеніе соціальныхъ идей разглашеніемъ“. Посмотрю еще. Липранди обѣщаль показать послѣдующія „открытія“.

Вотъ и Московскій Универс. объявляетъ, что приѣма не будетъ. Рѣзкая мѣра эта многими принимается очень горько. Сегодня былъ у меня Псковскій учитель Симанскій, который видѣлъ впечатлѣніе на мѣстѣ, въ Псковѣ и здѣсь, куда онъ переведенъ. Впечатлѣніе молчаливое, но очевидное. Нѣкоторые изъ молодыхъ людей, впрочемъ одинъ-два, принимаются на казенное содержаніе. Многіе ѣдутъ въ Горыгорецкую школу; другіе поступаютъ въ военную службу.

Сегодня мы были на выставкѣ произведеній: много прекраснаго, много успѣха; но много, говорятъ, обмана. Желаніе медалей понижаетъ цѣны выставленнымъ вещамъ, которыя дѣйствительно сходны. Пріятно было видѣть хорошіе холсты и полотна, но я напрасно искалъ хорошей бумаги. Очень замѣчательны вещи изъ войлока Попова и истинно художественныя вещи Сизикова; но сукна, низшіе сорта, очень плохи. Не замѣтилъ я обуви и шляпъ простыхъ. Много машинъ: эта часть и у насъ очень распространяется, Народу много. Расположеніе тѣсновато

и для многихъ вещей невыгодно. Лучшее на выставкѣ—комнаты, въ которыхъ отдыхала Императрица.

Сегодня, 9 Юля, министръ, по поводу объясненій о вѣрноподданическихъ чувствахъ, приказалъ мнѣ, списавъ записку, передать ее, тѣмъ же порядкомъ, оберъ-секретарямъ съ тѣмъ, чтобы они дали списать ее секретарямъ, которые, не давая списка, прочли ее своимъ подчиненнымъ. Записка эта слѣдующая: „Каждый начальникъ отвѣтствуетъ за своихъ подчиненныхъ и потому долженъ удостовѣряться въ ихъ благонамѣренности и внушать имъ надлежащій образъ мыслей относительно пространства ихъ обязанностей. Въ настоящее время къ устраненію пагубныхъ заблужденій и къ предупрежденію ихъ распространеній недовольно того, чтобы въ нихъ самому не участвовать и противиться изъявленію чувствъ несогласныхъ съ долгомъ присяги, но должно, при всякомъ обнаруженіи подобнаго образа мыслей, опровергать заблужденія, обнаруживать вредныя ихъ послѣдствія и поощрять каждаго и всѣхъ къ ревностному и единому исполненію вѣрноподданическихъ обязанностей“. Нѣтъ сомнѣнія, что это выраженіе наставленія, сдѣланнаго Государемъ при свиданіи съ министрами. Трудно разяснить, что такое „надлежащій образъ мыслей“ и „пагубныя заблужденія“. Еще труднѣе „опровергать“ и „обнаруживать вредныя послѣдствія“. Это заведетъ въ споры, и немудрено, что иной подчиненный опровергнетъ своего начальника.

Не хотѣлъ бы я быть въ нашихъ западныхъ губерніяхъ. Въ нихъ и вообще въ не-русскихъ нашихъ краяхъ желаніе дѣйствовать правосудно (т. е. по обрядамъ закона) и невольное вліяніе и вторженіе Русскихъ началъ (Православія, училищъ и чиновниковъ), соединяясь съ заимствованнымъ у Римлянъ *divide et impera*, производитъ такое несчастное состояніе, которое тягостно и Русскимъ и не-Русскимъ. Можетъ быть, въ государственныхъ видахъ, со временемъ, изъ этого выдетъ что нибудь хорошее, но настоящее поколѣніе, въ настоящее время, можно сказать пожертвовано. Пріѣзжіе (прокуроры и председатели) жалуются на непріятность положенія между Поляковъ, и при томъ въ губерніяхъ близкихъ, напр. Виленской, даже Киевской. А что скажутъ Поляки? Всего страннѣе это то, что Русскіе тамъ не укореняются. До насъ, до суда, мало доходитъ о тѣхъ распоряженіяхъ, которыя принимаются главнымъ начальствомъ, но у меня бывали въ разсмотрѣніи дѣла: много Евреевъ, судимыхъ за оскорбленіе величества (ругаются они, особенно Еврейки, за измѣненіе покроя платья). Крѣпостныхъ, доносящихъ на помѣщиковъ, недавно, о сокрытіи оружія, о бродягахъ и подозрительныхъ людяхъ. Эти мѣры (обнаруженіе неизвѣстныхъ и оружія) приняты въ 1848 г. О неправильномъ владѣніи.

генераль Бибииковъ распорядился о повѣркѣ правъ владѣнія, и статья эта говорятъ, дасть оброкъ. *Divide et impera* хорошо, но на время. Оно лишаетъ довѣрія и благородства, безъ которыхъ нѣтъ приверженности и уваженія, безъ которыхъ нѣтъ прочности и увѣренности. Можетъ быть, этому надобно приписать вообще неудовольствія и иногда довольно нескрытый ропотъ на правительство, не смотря на то, что богатства наши обильны, хлѣба много, въ крѣпости миллионы, вездѣ побѣды, три царевны беременны.

Князь М. С. Воронцовъ пріѣхалъ и (говорятъ) принять самымъ лучшимъ образомъ. Много онъ дѣлаетъ на Кавказѣ, но нельзя не замѣтить, что *все* онъ дѣлаетъ *для* Кавказа и ничего для имперіи, которой Кавказъ стѣдитъ дороже прежняго. Въ кн. Воронцовѣ мало Русскаго: онъ похожъ на Англичанина въ Россіи и на опальнаго боярина въ отдаленномъ краѣ; онъ безкорыстенъ и ищетъ народности. Уважалъ Государя, онъ вовсе не уважаетъ его министровъ. Въ немъ много молодечества и желанія польстить своему краю, хотя бы эта лесть краю и несовмѣстна была съ выгодами Имперіи. Всего хуже то, что, поставленный въ исключительное положеніе по имени и состоянию своему, онъ едва ли, безъ затрудненія, можетъ имѣть преемника. Имъ назначаютъ ему Н. Н. Муравьева, конечно лучшаго, но едва-ли не слишкомъ преданнаго военной строгости изъ школы А. П. Ермолова.

Докторъ Маркусъ, любимецъ Московскихъ дамъ, послѣ удачнаго леченія Императрицы, переселенъ въ Петербургъ съ сохраненіемъ выгоды своей практики (7 р. серебр.) Нашъ воздухъ вдохнулъ въ медика желаніе значенія политическаго. Медицинская извѣстность, нѣчто въ родѣ ремесленной, ему была уже не достаточна въ кругу царедворцевъ. Онъ занялся законами и съ помощію бойкаго мальчика, Ник. Калайдовича, сдѣлалъ извлеченіе изъ Свода. Трудъ ученической, но онъ и былъ плодомъ чтенія медикомъ Свода Законовъ. Ближній врачъ царицы г. Маркусъ сдѣлался предсѣдателемъ совѣта медицинскаго и написалъ, на Французскомъ, о сосредоточенномъ управленіи медицинскою частію. Здѣсь есть сравнительныя свѣдѣнія полезныя, но сочиненіе не дало мысли о учрежденіи медицинскаго министерства, мысли полезной и, можетъ быть, необходимой по обширности вѣдомства обширной Имперіи. Кажется, докторъ не такъ взялся или взявшись такъ, не потрафилъ. Сочиненіе слишкомъ не значительно, чтобы могло родить министерство или стоило пожалованія въ министры. Наконецъ, въ 1848 г., г. Маркусъ издалъ соціальное сочиненіе: *étude sur l'état social actuel*.

Такъ почтенный медикъ возвышался отъ предмета къ предмету. Последнее сочиненіе состоитъ изъ выписокъ и извлеченій о социалистахъ, но столь отрывочныхъ, что развѣ одно тщеславіе писателя могло рѣшиться на ихъ изданіе. Собственныя разсужденія, въ видѣ *ria desideria*, такъ поверхностны и неопредѣленны, что мнѣ, неопытному уму, г. Маркусъ кажется социалистомъ. Ни одно изъ этихъ сочиненій не имѣло успѣха. Прекрасный дамскій врачъ напрасно беретъ за тяжелое перо мыслителя. Для этого въ немъ нѣтъ никакихъ стихій, и самая стихія жизни его этому препятствуетъ.

Венгерскія дѣла разыгрываются и „хоть наша беретъ, а рыло въ крови“. По видимому бьютъ жестоко, и наши дѣйствуютъ на угадъ. Соединись Гѣрги съ Дембинскимъ и Бемомъ, побоище будетъ ужасное. Молодой генераль Скарятинъ убитъ, старый генераль Купріяновъ безъ ноги. Это начальникъ штаба и корпусный начальникъ. Далеко же пробираются ядра; а простыхъ солдатъ, по донесеніямъ, убито то 1, то 5, то 20. Это что-то не такъ. Паскевичъ явно жалуется, что нѣтъ возможности имѣть лазутчиковъ: все привержено Гѣрги. Граббе блуждаетъ, Зассъ ошибается, а Лидерсъ не знаетъ, гдѣ непріятель, на право или на лѣво. Онъ былъ подъ носомъ. Изъ всего заключать должно, что война—если не народная, то находить въ народѣ большое сочувствіе и что это свойство она приняла особенно со времени нашего вмѣшательства. Не рѣчь Пальмерстона возмущаетъ меня: меня возмущаетъ бѣдствіе страны, опустошаемой оружіемъ, тревожить и мысль, что мы, Русскіе, на дѣлѣ деремъ за *Gleichberechtigung* и это чуждо звучащее начало не останется безъ вліянія на восприимчивый Русскій умъ, хотя въ армію и не пускаютъ молодежи. Избави Боже отъ торжества Венгерцовъ, послѣдствія неисчислимы и вредъ неисправимъ. Европа и мы поколеблемся въ основаніяхъ. Но торжество наше не подлежитъ сомнѣнію. Въ какомъ положеніи учредится Венгрія? Я думаю другого порядка быть не можетъ какъ *statu quo* до Іюля 1848 г., но съ уравниемъ Славянскихъ земель съ прочими государствами Имперіи, т. е. мѣстный сеймъ, свой языкъ и представительство на общемъ сеймѣ. Кажется, одно не подлежитъ сомнѣнію: восторжествуй или покорись Венгры, въ накладъ будутъ Славяне южные, истинные спасители Имперіи въ Октябрѣ и *bête noire* сильныхъ сторонъ Нѣмецкой и Венгерской.

Венгерскія побѣды. Гѣрги, съ главными силами, сдался Русской арміи. Паскевичу императорскія почести, гр. Ридигеру Андрея, Лидерсу втораго Георгія. Рескриптъ Паскевичу подписанъ: „другъ вашъ,

Николай“. Торжество большое; полагають, что война кончена. Наслѣдникъ отправился съ извѣстіемъ въ Вѣну и, какъ выразился новый Суворовъ: „Венгрія у ногъ Вашего Величества“.

Но такъ-ли? Что Венгрія не могла устоять, это ясно. Но чтобы Венгрія была въ ногахъ—это сомнительно. Венгрія ждетъ отъ великодушія Государя сохраненія правъ ея Австрію, правъ всѣхъ, правъ надъ соединенными Славянскими землями по прежнему. Умаленіе Славянскихъ свободъ не непріятно намъ. Кажется, на это мы и подадимся; но еще мелкая война продлится, антипатія въ Австріи къ намъ, особенно при покровительствѣ Венгровъ противъ Славянъ, усилится и вся эта война и торжества, пробудивъ зависть, обойдется намъ дорого и людьми и деньгами, поласкаетъ наше самолюбіе и не принесетъ никакихъ прочныхъ и политическихъ выгодъ. Вообще войны полезны только Наполеонамъ. Но дай Богъ скорѣе порядка, стройности. Теперь побѣдители дѣлаются устраивателями. Гдѣ ожидать противодѣйствія?

Мало по малу утихають бури и волненія. Какимъ-то сномъ кажутся событія 1848 г. Сонъ, теорія, мечта, идеаль; но этотъ сонъ уже сдѣлался событіемъ, и никакая власть не уничтожитъ его въ лѣтописяхъ, годъ же былъ не невѣжа, записалъ все, на память лицамъ и народамъ. Все это случилось въ то время, когда, по отсутствію всякихъ твердыхъ началъ, господствовало дикое правило: *acceptez les faits*, въ силу котораго многое изъ совершившихся событій уже принято основаніемъ и должно идти, идти и распространяться.

Все это время я проводилъ съ Шереметевою, рожд. Мартыновою, съ Чернышевою, рожд. Тепловою, и съ Еленою Тепловою, пріѣхавшими изъ Италіи, гдѣ первая провела 10, а послѣднія 3 года. Милыя, добрыя и прекрасныя, особенно Чернышева, онѣ слишкомъ свободны, даже грязноваты съ своими папиросами, особенно Шереметева. Мнѣ это такъ бросается въ глаза, что я понять не могъ, что это за женщина. На дняхъ я прислалъ ей одного ходатая для выручки экипажа; прихожу, она сидитъ и куритъ папиросы. Но это женщина умная, смѣлая, образованная, и я не удивляюсь, что она умѣла такъ сблизиться съ Кат. Чернышевою, существомъ добрымъ, воспріимчивымъ и глубоко-признательнымъ. Главная вина Чернышевой та, что она (впрочемъ ребенкомъ) вышла за ссыльнаго Захара Чернышева и потому не можетъ имѣть мѣста въ кругу, въ которомъ бы хотѣлось, а Шереметевой та, что она, Мартынова, вышла за Шереметева, и Мартыновой не даютъ мѣста, которое хотѣла бы и должна имѣть Шереметева, а оставшись вдовою 22 лѣтъ, она уже не хотѣла перемѣнить на другое

свое новое имя, которое въ Россіи и виѣ Россіи звучить богатствомъ. Мнѣ кажется Чернышева *est une existence manquée*, а Шереметева, сверхъ того, *fera manquer à ses enfants*. Нужно попасть въ ложную колею, потомъ заберешься и затынешься. Шереметева очень дурно воспитываетъ сына. Дочь миленькая дѣвочка. Замѣчательно, что у нея же живетъ и племянникъ, сынъ сестры, брошенной повѣсою Леономъ Гагаринымъ.

В. Князь Михаилъ разбитъ параличемъ. Извѣстія разногласныя приходятъ и кружатся. Говорятъ—умеръ, говорятъ—лучше. Начинаетъ сердиться и браниться, значить входитъ въ нормальное состояніе. Ударъ начался съ рукъ, оттого что руки связаны. Вся правая сторона онѣмѣла. Паскевичъ разбилъ Венгровъ, а параличъ разбилъ Князя. Остротъ не оберешься. Князь любилъ самъ острить. Но нѣкоторые, думая о преемникѣ, сожальють, если князь оставитъ постъ свой.

Вотъ и Венеція сдалась. Власть порядка восторжествовала повсюду, но тѣмъ необходимѣе теперь упрочить его.

Нынче напечатаны рескрипты грф. Нессельроде и Орлову, нынче возили трофеи по улицамъ, нынче (говорятъ) пріѣхали Государь и Наслѣдникъ въ Царское и пришло извѣстіе о смерти В. Кн. Михаила. Время торжествъ и время дурное. Гордость могущества и равенство несчастія. Чтѣ значать эти напыщенные рескрипты, приписывающіе намъ славу устройства Европейскихъ дѣлъ, болѣе нежели когда нибудь неустроенныхъ? Чтѣ значать эти огромныя награды лицамъ, не бывшимъ на войнѣ? Какое великое дѣло мы совершили, побѣдивъ Венгерцевъ, въ союзъ съ Австріей и въ то время, когда бунтующія стихіи улеглись и присмирѣли? Доблестна война, но она очевидно была не равная, и послѣдствія ея важны во всякомъ случаѣ, только для Венгріи и Польши—частное дѣло Австріи съ Россіей. Европа не поддалась бы вліянію Венгріи и побѣдоносной. Франція вводитъ у себя порядокъ и даже осмѣливается на двусмысленныя вмѣшательства. Испанія взяла верхъ надъ Карлистами; Радецкій уже такъ усилился въ Италіи, что пошелъ на великодушіе. А Англія, Швеція и Пруссія въ полномъ развитіи силъ.

Преобладающая страсть Государя—надменная самостоятельность. Силою Россіи, заключающеюся въ ея обширности и отдѣльности, Государь доведенъ до какого-то самозабвенія, при которомъ нѣтъ никакого вниманія къ образованности другихъ, къ высшимъ цѣлямъ чело-

вѣчества и дѣйствительнымъ нуждамъ своего народа. Донесеніе Паскевича, рескрипты и приказы Государя исполнены этого чувства и писаны не для того, чтобы удовлетворить благородному чувству могущественной Имперіи, но для того, чтобы выраженіемъ, словечкомъ зацѣпить Француза или Франкфуртца и польстить мелкимъ страстямъ личной гордыни. „Русскій Богъ, святое призваніе, оплотъ противъ безначалія“ и т. п. Ругаютъ нынѣшнее, ругаютъ Поляковъ прежнихъ, ругаютъ даже Наполеона... Къ чему все это? Не видна-ли здѣсь раздражительность узавленнаго самолюбія, ропоть неудачъ при видимомъ торжествѣ? Ограничивать развитіе умственное внутри и оскорблять достоинство лицъ и народовъ вѣ,—вотъ все, что придумало гордое славолюбіе. Тутъ ни капли нѣтъ христіанства, и посмотрите, какъ карается это несчастное славолюбіе! Въ Россіи управленіе не сдѣлало ни шагу прочнаго и основнаго успѣха: учрежденія хуже Екатерининскихъ, благонамѣренности и въ поминѣ нѣтъ у правителей. вмѣсто развитія просвѣщенія, оно ограничено, обрѣзано, подавлено, и мы, Русскіе, по неволѣ должны искать его во Французскихъ книжныхъ лавкахъ. Жатва этихъ сѣмянъ обѣщаетъ много дурнаго. Въ семействѣ царя—несчастіе за несчастіемъ. Военная сила давить и истощаетъ насъ: Кавказская война губить цѣлые корпуса, Венгерская война обошлась очень дорого, безпрестанные поборы истощаютъ земледѣльцевъ; военная смѣта поглощаетъ $\frac{2}{3}$ общей смѣты государства. Недовольные разсыпаны по всѣмъ угламъ, въ крѣпости сидятъ заговорщики; никто, даже Австрійцы не скажутъ добраго словечка.

Не подозрѣваю я пристрастія и своекорыстія; но я вижу во всемъ не христіанскую самонадѣянность, которая угрожаетъ горшимъ зломъ, вижу нетерпимость и раболѣпство совѣтниковъ, вижу увлеченіе забывшейся личности и какую-то метительность. Самозабвеніе опасно, ибо совѣтники получаютъ выгоды, льстя слабостямъ его, ибо непрерывающееся развитіе народа скоро можетъ подмыть могущество этой самозабывшейся личности...

Не много—десятокъ лѣтъ—нужно времени, чтобы убѣдиться, какъ вредно такое поведеніе. Дай Богъ сердцу Цареву кротости и терпимости, а намъ твердости и терпѣливости.

Я было хотѣлъ прекратить мои замѣтки, опасаясь какихъ нибудь поисковъ и желая пережить это скверное время подозрѣній и дознаній. Я не боялся обличиться преступникомъ, но не рассчитывалъ на совершенную безопасность. Крѣпостное дѣло разыгрывалось, а въ крѣпости

сидятъ мальчики, въ бумагахъ котораго есть мои, впрочемъ ничтожныя, записки. При томъ же мнѣ хотѣлось вникнуть и сколько нибудь понять направленіе современныхъ распоряженій, отзывающихся удивительно незрѣлостію и противорѣчіями. Существенныя мѣры, разумѣется, относятся къ наукѣ и учебнымъ заведеніямъ. Принято-ли здѣсь какое нибудь болѣе обширное и прочное начало нежели строгость просмотра печатанія и введеніе военнаго порядка въ лицейхъ и училищахъ—сказать трудно; несомнѣнно то, что принятыя мѣры ограниченія возбуждаютъ общее порицаніе, не внушая ни малѣйшей довѣренности и повидимому преграждая стремленіе образованности, направляютъ его къ скрытнымъ путямъ, иногда совершенно независимымъ отъ благовиднаго надзора. Въ отношеніи вопроса о крѣпостномъ правѣ, кажется, теперь рѣшительно поворачиваютъ назадъ, и знаменитый Грузинскій законъ отмѣненъ новымъ положеніемъ объ описи и продажѣ имуществъ, которое такъ поспѣшно, такъ дурно составлено, что сами составители (какъ выражается одинъ изъ нихъ, ст. секр. Н. Н. Норовъ) написали его, чтобы передѣлать. Вопросъ о дворянствѣ развивается: сокращеніе его есть общее правило и въ порядкѣ признанія родовъ и въ пожалованіи. Скоро оно распространится во всей силѣ на чиновниковъ, стѣсненіе которыхъ очень замѣтно и чувствительно даже для тѣхъ, которые стѣсняются, ибо они не могутъ не видѣть, что дѣла идутъ дурно и что хорошіе люди—сила правительства—готовы оставить служебное поприще.

Учебныя заведенія преобразовываются. Военныя стараются поддержать совершенно въ томъ видѣ какъ при В. К. Михаилѣ, въ память его попеченій. Въ память его попеченій надобно бы объ нихъ поболѣе позаботиться и, уменьшивъ число предметовъ, которымъ иногда числа нѣтъ, озаботиться основательнымъ наученіемъ, котораго вовсе нѣтъ.

Увольненіе министра гр. Уварова послѣдовало по болѣзни и по случаю исключенія его, министра, изъ совѣщаній о преобразованіяхъ. Жалѣть объ Уваровѣ много нечего; но надобно сказать, что онъ много оказалъ пользы умноженіемъ училищъ, учащихъ и учителей. Можно охуждать его за хвастовство, особенно въ отчетахъ, за неправильное начало содержанія училищъ, за поощреніе поверхностнаго ученія облегченіемъ достиженія ученыхъ степеней и за введеніе полуученыхъ преподавателей изъ молодежи, получившей разсѣянное образованіе въ чужихъ краяхъ. Ходили слухи, что вмѣсто Уварова назначается графъ Протасовъ. На листкѣ объ этихъ слухахъ, Государь, говорятъ

написалъ: „Вздоръ... Я!“ Этому можно вѣрить, это въ свойствѣ Государя, особенно въ настоящее время, когда вездѣ процвѣтаетъ такъ называемое *личное* управленіе.

Крѣпостное дѣло о школьникахъ разыгрывается. Послѣ изслѣдованія назначено новое собраніе изъ членовъ Госуд. Совѣта: В. А. Перовскаго, Н. Н. Анненкова и сенаторовъ кн. И. А. Лобанова, А. Θ. Веймарна и Θ. А. Дурасова. Этому собранію предлежало повѣрить слѣдствія, отдѣлить достовѣрное отъ недосказаннаго, важное отъ мнимаго и постановить предметы обвиненія для опредѣленія наказанія въ высшемъ военномъ судѣ. Это новый порядокъ суда. Я говорилъ съ Θ. А. Дурасовымъ, и онъ довольно откровенно объясняетъ мнѣ, что дѣло не имѣетъ придаваемой ему важности, но важность оно имѣетъ какъ по буквѣ закона, такъ и по современной язвѣ вѣка. Не было ничего основательнаго, но дурнаго, злого много. По именному указу изъять отъ слѣдствія и суда главный и важнѣйшій изъ виновныхъ—Толстой. Я этому не вѣрю. Государю нѣтъ выгоды освобождать этого виновнаго. За нимъ слѣдуютъ: капитанъ Моск. полка Моберли, чиновникъ Петрашевскій и неслужащій Спѣшневъ. Вина ихъ ведетъ на каторгу. Особенно превозносятся способности послѣдняго и при чистомъ его раскаяніи полагается, что онъ пойдетъ отслуживать преступленіе на Кавказѣ. Головинскій порицается за упорство и противорѣчія. Главная его вина въ желаніи и стремленіи къ освобожденію крестьянъ. При допросахъ кн. П. П. Гагаринъ вошелъ съ нимъ въ споръ, и почтенный членъ слѣдственной комисіи проговорился, назвавъ эту мѣру преждевременною. Потомъ Головинскій обвиняется въ недонесеніи слышаннаго. Менѣе прочихъ обвиняется Кашкинъ Николенька. Онъ возмечталъ, что онъ мудролюбъ и что Богъ есть токмо отвлеченное, условное понятіе. Можетъ быть, обоимъ этимъ молодымъ людямъ придется поучиться гдѣ нибудь въ дальнихъ краяхъ, въ Оренбургѣ. Всего судимыхъ до 25 человекъ. Думаю я однако, что Генераль-Аудиторіатъ усилитъ наказанія и дастъ возможность изъявленію милости въ смягченіи мѣры и самаго вида. Государь любитъ прощать. Онъ уже простилъ шалуновъ моряковъ. Подождемъ, дѣло должно скоро разрѣшиться. Все мнѣ кажется, на него не такъ смотрять.

Министръ предполагаетъ назначить меня въ 6 деп. Это съ перваго раза поразило меня. Но не то теперь время. Надобно подчиниться. Я всегда желалъ пріобрѣтать права на заслугу и съ котораго времени радъ имѣть ихъ, не имѣя наградъ. Приведа въ отличный порядокъ 5 деп., я постараюсь привести въ порядокъ и 6-й. Онъ въ совершенномъ разстройствѣ.

14 Декабря я объяснялся съ министромъ. Онъ удивился перемѣнѣ въ моемъ лицѣ и моей слабости. Онъ и не зналъ, что департаменты исправляются на счетъ здоровья. Говорилъ объ отличномъ положеніи моего департамента и, сжалясь надъ мною, предоставилъ просить отгускъ, предупредя только его или П. Д. Иллчевскаго. Говорилъ о социализмѣ и коммунизмѣ, о разговорѣ своемъ съ крѣпостными выпущенными (кн. Андр. Оболенскій и Глѣбовъ), которые узнали обо всемъ изъ газетъ. Я упомянулъ, что слова эти сдѣлались предметомъ злоупотребленія и что въ существѣ они тотъ же такъ называемый либерализмъ и къ намъ вовсе не примѣнимы, но что обнаруживаемые безпорядки и толки, кажется, важнѣе нежели ихъ принимаютъ. Особенно заслуживаютъ вниманія два замѣчанія: молодежь, обязанная службой, различаетъ отношенія свои по службѣ и внѣ службы и, считая себя въ послѣднемъ случаѣ внѣ подчиненія и самостоятельную, дозволяетъ себѣ явно порицать современный порядокъ, не смотря на то, что какъ лица правительственныя они облечены передъ общественнымъ мнѣніемъ и отвѣтственностію за порицаемый ими порядокъ. Это скороспѣлое сужденіе умаляетъ достоинство правительства и указываетъ на необходимость достовѣрнѣйшаго указанія недостатковъ существующаго порядка. Не знаю, понялъ-ли меня министр. Онъ отвѣчалъ: да, къ сожалѣнію это видно и въ лицахъ высшихъ. Вообще графъ по прежнему холодеенъ, малодоступенъ и по прежнему своемыслию полусообщителенъ.

Здѣсь, съ отъѣздомъ въ Москву, прекращаются мои замѣтки. Онѣ возобновятся въ Петербургѣ въ Январѣ 1852 г.

(Продолженіе будетъ).

